

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Чертovski
весело*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
ЕО
ИНТЕРНЕТ
КОПИРОВАНИЕ

Марина Сергеевна Серова
На всю катушку
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166924
Чертовски весело. На всю катушку: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-08737-0

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина Серова

На всю катушку

Глава 1

ТЕТУШКИН ПРОДУКТОВЫЙ КРИЗИС, ХАКЕР И ВОР

С некоторых пор попытки тетушки Милы достучаться до моего сознания, запрограммированного на отторжение ее каждодневной речи о неженскости моего хлопотного ремесла бодигарда и частного детектива, стали иметь успех. Не знаю, сыграла ли тут свою роль накопившаяся за многие месяцы психологическая усталость или же в самом деле я преодолела некую критическую возрастную точку, после которой хочется заняться чем-то более спокойным.

Хотя по здравом рассуждении следует признать, что двадцать восемь лет – не возраст для женщины моего типа, и зажить умиротворенной семейной жизнью я еще всегда успею.

Мое последнее дело подвело определенную черту в моей активной деятельности. Уж больно насыщенным в психологическом, а вернее будет сказать, в психопатологическом плане оно оказалось. Посудите сами: расследовать рядовой случай о преследовании неизвестными богатого моло-

дого банкира и его семьи, сопряженном к тому же с чередой убийств сотрудников банка, дело вполне обычное и ничем не примечательное на фоне нынешней действительности – и вдруг такое...

Сестра банкира оказывается безнадежной наркоманкой, жена его патологически ненавидит своего красивого, богатого, процветающего мужа, более того, я застаю ее в совершенно невменяемом виде, стреляющей в его портрет. Потом сестру убивают, банкира похищают подручные возмутительно пьяного паясничавшего священника, который оказался не только абсолютно трезвым, но и не священником вовсе, а профессиональным киллером, бывшим бойцом элитной группы спецназа «Альфа», к тому же явно ненормальным психически человеком.

Дурдом да и только! Особенно если учесть, что теща этого банкира была близкой подругой моей тетушки, то и вовсе никакого просвета. А отец моего клиента-банкира, один из самых обаятельных мужчин, каких я когда-либо знала, оказался маньяком, страдающим параноидальной склонностью к инцесту и проповедующим мессианский бред. К тому же выяснилось, что именно он на пару с уже упомянутым мнимым служителем православной церкви и убивал всех этих несчастных сотрудников сына, а на десерт отправил на тот свет родную дочь и собрался проделать ту же нехитрую операцию со своим сыном, его женой, а также вашей покорной слугой. Тут было в пору и самой тронуться умом.

Представьте себе, что вас собираются засунуть в бетономешалку, а потом залить в фундамент, тогда вы поймете, что я испытала. Этот человек в одночасье, да что там в одночасье! – в несколько минут превратился из нежного любовника в палача.

Я не знаю, может, кому и приятно, что его увековечивают в бетоне. По мне, формулировочка весьма двусмысленная, да и испытать на себе все это в буквальном смысле никому не пожелаю. К тому же не числю я за собой таких заслуг, чтобы оказывать мне подобную честь.

Короче, отправила я этих милых и законопослушных граждан туда, где им и следовало находиться, то бишь к протцам. Нельзя сказать, что мне это далось легко. Если откровенно, ни об одном своем деле я не вспоминаю с более тяжелым сердцем, как об этом – последнем.

* * *

Я просматривала новые поступления в мою коллекцию видео, а тетушка возилась на кухне, раздраженно гремя посудой и вслух ругая президента и правительство. Нельзя сказать, что наступивший глубокий экономический и политический кризис внес серьезные коррективы в достаточно ровный и коммуникабельный характер моей тетушки, но факт налицо: она стала куда больше рассуждать вслух, а это у нее первый признак недовольства.

– Это же надо, – говорила она, – масло вдвое, сыр втрое, ветчина и вовсе непонятно зачем на прилавках лежит, для смеху, что ли? Этакие цены, что хоть стой, хоть падай!

– Хорошо еще, что деноминацию успели провести, – иронично отозвалась я с дивана.

– Это еще почему? – подозрительно спросила тетушка Мила.

– Элементарно до слез, Ватсон! Представьте себе, что цены утроились с прежним количеством нулей. Сначала считаешь, значит, нули, а потом прикидываешь свою покупательную способность.

– С такой покупательной способностью любой Шерлок Холмс протянул бы нижние конечности, уж не говоря о мисс Марпл. В ней и так жизнь еле-еле теплится, – уже более миролюбиво откликнулась она.

– Вот на этот случай и существую я. – Я вздохнула и подумала, что, пожалуй, тетушка права: я выполняю функции, от которых загнется большая часть мужчин, а сюда попадут и Холмс, и Эллери Куин, и, возможно, даже злобный Майк Хаммер.

– А тебе никогда не приходило в голову, – вкрадчиво начала тетушка Мила, – что ты существуешь также на случай, если какому-нибудь красивому, умному, богатому мужчине... который нравится тебе, понятно, придет в голову предложить тебе руку и сердце... – и т. д. и т. п.

Ну вот, любимая песенка тетушки Милы, только в по-

следнее время она что-то повторяется с завидной методичностью. Из всего этого я давно успела усвоить, что мне уже двадцать восемь лет и что это более чем подходящий возраст для замужества. И еще то, что вокруг меня постоянно много приличных, состоятельных молодых мужчин. И что некоторые из них хотели бы видеть меня рядом с собой.

– Та-а-ак, – протянула вдруг она, и по зловеще понизившемуся голосу ее я немедленно поняла, что случилось нечто непредвиденное и страшное. Ну, так и есть.

Кончилось масло, мясо и еще что-то из овощей и фруктов, я из бормотания тетушки не разобрала. Причем как-то все сразу. Лично я отнеслась к этому факту с глубочайшим равнодушием, но моя дражайшая родственница восприняла это как личное оскорбление.

– Дожили, – провозгласила она с явными интонациями Олимпиады Кирилловны, прокоммунистически настроенной почтенной дамы этажом ниже, – даже масла, и того нет. А только позавчера отнесла в магазин три сотни, и где они?

– Вот уж проблему нашли, – сказала я. – Ну, возьмите в шкафу еще три сотни. Было бы что относить, а все остальное не имеет значения.

– Знаешь что, Женечка, сходи-ка лучше ты, а то уж без малого неделю на диване валяешься. Ну и жизнь! То мечешься, как безумная, от одного криминала к другому, ночей не спишь, а то возлежишь, как китайский мандарин, на подушках и даже почесаться считаешь за труд. Кстати, о манда-

ринах — их тоже надо купить.

— Вы имеете в виду, тетушка Мила, что я веду паразитический образ жизни?

— Боже упаси, Женечка! — ужаснулась тетушка. — Ты что, восприняла это как упрек? Я ничего такого...

— Я прекрасно это понимаю, — улыбнулась я. — Но в самом деле не мешало бы проветриться.

Я встала с дивана и, разгоняя мгновенную пелену в глазах от резкого изменения положения из горизонтального в вертикальное, потянулась.

— Так что там нужно купить?

* * *

Погода, надо признать, была великолепная. Первые дни сентября распространили в прозрачном неподвижном воздухе пьянящую свежесть и умиротворенность, присущие исключительно ранней осени, что так бодрит и оздоравливает угнетенную нервную систему и вселяет в душу спасительное чувство какой-то светлой и оживляющей грусти. Не душные расслабляющие дни догорающего лета, не промозглая мутно-стеклянная сырость настоящей осени, — а именно мое любимое переходное время года, что в народе зовется бабьим летом. То время, на которое приходится мой день рождения. Хоть он, как поется в некогда популярной песне, и грустный праздник.

Тетушка порекомендовала посетить мне недавно открывшийся супермаркет возле нашего дома. Самый крупный из сети торговых точек под общим названием «Демидов-продукт». Принадлежал этот магазин выплывшему на волне кризиса и соответственно резкого сокращения импорта продовольствия Сергею Викторовичу Демидову. Еще год-два назад бывший фермером средней руки, этот бизнесмен сельскохозяйственного фронта ныне за глаза именовался «аграрным королем» и процветал.

Когда я увидела цены в этом супермаркете, я поняла, что основания для процветания у Сергея Викторовича действительно имеются. Потому что они были на десять-пятнадцать процентов ниже, чем в других магазинах того же профиля, а товар, насколько я могла судить, даже превосходил по качеству аналогичный ассортимент в прочих торговых точках.

Одновременно со мной в магазин зашли два молодых человека. Первый был импозантный высокий шатен лет двадцати пяти, второй... во втором я признала своего старинного приятеля Гонзу.

С ним мы свели знакомство на компьютерной выставке в Москве, где тот глазел на образцы новейших японских и американских технологий. Будучи завзятым «компьютерным маньяком», он бесконечно лазил по Интернету, а также то и дело забредал в защищенные кодами доступа базы данных различных властных структур и вводил туда чрезвычайно неприятный вирус. Подписывал он эти милые художества

своим компьютерным псевдонимом Dr. Quicknet, который уже изрядно намозолил глаза другим моим знакомым из числа работающих в администрации губернатора, в облдуме и силовых структурах.

За это компьютерное хулиганство, расхоже именуемое хакерством, Гонзе могло сильно нагореть. Но он был хакером настолько высокого класса, что до сих пор ему все благополучно сходило с рук. В свободное от барахтанья в виртуальной реальности время он учился на предпоследнем курсе физфака университета (причем, если мне не изменяет память, уже второй год) и помогал по хозяйству своей бабушке-пенсионерке, завзятой любительнице домашнего выращивания разнообразных растений, начиная от помидорной рассады и заканчивая финиковой пальмой в кадке.

Все эти старческие причуды максимально осложняли Гонзе существование, потому что буквально весь дом его зеленел листвой, переливался плодами всех цветов радуги и ершился шипами, и даже возле его компьютера торчал какой-то мерзкий отросток, который его милая бабушка благоговейно именovala каким-то совершенно непроизносимым латинским словом.

– А, привет, Евгения Максимовна! – произнес он. – Давно тебя не видел. Бандитов поколачиваешь?

Меня всегда забавляло, как он обращался ко мне. В случае, если он называл меня Евгенией Максимовной, он смягчал официальность обращением на «ты», а вот если имено-

вал меня Женей, то, словно извиняясь за подобное панибратство, всякий раз почтительно «выкал».

– Бесполезно, – ответила я, – всех не переколотишь. А что это ты – никак собрался за продуктами? Разве тебе не хватает того, что выращивает твоя бабушка?..

– Бабушка культивирует исключительно вегетарианскую кухню, а это крайне пагубно воздействует на организм, – ответил за онемевшего от досады Гонзу его спутник. – Помните, что случилось с Львом Толстым.

Я посмотрела на его иронично искривившийся выразительный рот, откровенно насмешливые ехидные глаза и строго спросила:

– А что такое случилось с Львом Толстым?

– Как, вы не знаете? – нагло спросил он. – Он умер.

Гонза не выдержал и расхохотался. Да, в самом деле, надо было слышать, каким непередаваемым тоном это было сказано.

Я внимательно посмотрела на валяющего дурака молодого человека, а потом перевела взгляд на полки с товаром. В данный момент они интересовали меня больше его.

* * *

Спустя четверть часа мы втроем вышли из магазина. Я несла увесистую сумку с продуктами, Гонза волок совершенно неправдоподобных размеров баул и еще до отказа на-

битую холщовую сумку. Такое впечатление, что он закупил впрок на всю зиму.

Один знаток биографии Л.Н.Толстого шел налегке, при этом совершенно откровенным образом издеваясь над изнемогающим под тяжестью продуктов приятелем.

Налегке?..

Да не тут-то было. У совсем еще недавно стройного, как тополь, молодого человека появилось несколько отвисшее брюшко, гипертрофированной толщины рукава легкой куртки, а также неподвижно зафиксированные ссутуленные плечи явно скрывали наличие инородных предметов.

Главное, со стороны это выглядело столь естественно, что не будь я, простите за нескромность, Женей Охотниковой, почти что выпускницей элитного специнститута, готовившего кадры для внешней разведки, и не пройди я сборы в группе «Сигма», где, помимо прочего, учили видеть сущность предметов через самые незаметные признаки, – не заметила бы я ничего, как не заметили продавцы, Гонза и даже всевидящие видеокамеры, установленные возле полок именно на случай такого антиобщественного поведения потенциальных покупателей.

Сработано профессионально. Высший класс.

А ведь, судя по косвенным признакам, не бросившимся мне в глаза не то чтобы с первого, а хотя бы с пятого взгляда, прыткий молодой человек успел возмутительно расхитить чуть ли не половину огромного супермаркета.

– Ну и друзья у тебя, Андрей, – индифферентно выговорила я.

Андрей – а это, как вы понимаете, было имя Гонзы – посмотрел на меня откровенно непонимающе и произнес:

– А что такое?

– Молодой человек, как ваше имя? – обернулась я к удачливому расхитителю демидовской собственности.

– Константин, – ответил тот.

– Очень приятно. Так вот, Константин, судя по всему, в своей жизни вы занимались не только изучением биографии Льва Николаевича Толстого.

Константин попытался было состроить такое же непонимающее лицо, как у Гонзы, но по плутовским глазам его я определила, что не тут-то было и все он превосходно понимает.

– Да ладно вам скромничать. Лучше бы проявили эту скромность в магазине.

– А я и так был предельно скромн, – ответил Костя, вынимая из кармана огромный пакет и начиная перекладывать в него из-под одежды экспроприированную пищевую продукцию. Чего тут только не было! В основном, конечно, мясные изделия, а также сыр, алкогольные напитки, немного фруктов, молочные продукты и даже фирменные соленые помидоры «Демидовские» в красивой баночке, приготовленные по особой рецептуре.

В результате же, когда все это добро переместилось в па-

кет, он распух до размеров Гонзиного баула и уж заведомо превосходил по объему мою сумку.

Чудеса да и только!

Гонза, как и следовало ожидать, не удивился. Вероятно, для него эти Костины штучки были не в новинку.

– Кризис, знаете ли, – произнес Константин, поймав мой неодобрительный взгляд, в глубине которого таилось восхищение. – Да и надо же в кои-то веки дать выход врожденной клептомании. Пусть послужит на пользу первичной ячейке общества, в которую входят я, моя персона и я сам.

Нельзя сказать, что цинизм, с которым были произнесены эти слова, не понравился мне ни на йоту...

Впрочем, я не думаю, что Демидов сильно обеднеет от нанесенного его супермаркету убытка.

А вот я бы так, наверно, не смогла.

Глава 2

ЯВЛЕНИЕ ПОМИДОРНОГО КОРОЛЯ

– Женя, тут тебе звонили, – предупредила меня тетушка, не успела я ступить на порог. – Какой-то мужчина. Все спрашивал, когда ты будешь дома.

– Как это: все спрашивал, когда я буду дома? Он что, не один раз это спрашивал?

– Вот именно... И я подумала... – тетушка сделала паузу, потом выдала: – Что это, может быть, и не клиент.

– И, судя по голосу, богатый мужчина? – насмешливо спросила я.

– Откуда ж я знаю? – пожала плечами тетушка Мила, определенно не улавливая иронии. – Ну да ладно. Как совершила моцион?

– Очень удачно, – откликнулась я.

И тут в дверь позвонили.

– Кого это там еще несет? – поморщилась я, предвкушая «приятное» общение с каким-либо особо назойливым клиентом, который, не удовлетворившись моим отказом по телефону, не преминул явиться самолично.

Как показало не столь отдаленное будущее, в целом я угадала верно. К несчастью для себя.

Поколебавшись, я открыла дверь. В коридоре, нелепо озираясь по сторонам и поворачивая при этом голову едва ли не на триста шестьдесят градусов, стоял тот, кого я при беглом осмотре затруднилась бы отнести к потенциальным клиентам. Благо, если исходить исключительно из внешнего вида, человек этот был не в состоянии не то, чтобы оплатить мои дорогостоящие услуги (если бы я еще согласилась ему их предоставить), но даже обеспечить себя мало-мальски приличной одеждой.

Потому что такой замечательной курточкой, уныло-серенькой и из совершенно непонятной ткани – эдакая помесь брезента с холстом, – я не видела уже со времен почившего в бозе Союза ССР.

Да и сам мужичонка, откровенно говоря, не удался. Какой-то низенький, бесформенный, с простеньким личиком неотесанного деревенского Ваньки, которого неизвестно каким ветром занесло в город. Подслеповатые водянисто-голубенькие глазки, большой и чуть скошенный набок нос, которым он испуганно крутил по аналогии с тем, как это делает, скажем, домашняя белая крыса, обнюхивая интересующую ее вещь.

Ну, замухрышка чистой воды, как сказала бы тетушка, увидев его.

Единственным светлым пятном во всем его сереньком и непрезентабельном обличье была огромная сверкающая лысина, которую он, отдуваясь, то и дело обтирал платком. Хо-

тя нельзя сказать, что на лестничной клетке было жарко.

Впрочем, как гласит пословица, встречают по одежке, а провожают по уму.

Последнего, кстати, он тоже не проявил, по крайней мере, если судить по первым фразам.

– Уфф, жарко... – сообщил он мне. – А-а... простите, Евгения Охотникова здесь живет?.. Или... – Он посмотрел на меня с явным сомнением.

– Я Евгения Охотникова, – произнесла я тоном, которым мой тезка Моргунов выдает свою сакраментальную фразу: «Не шуми! Я инвалид!»

– А-а-а. Я почему-то так и подумал. Ну... может, вы впустили меня, а то как-то в дверях... это самое, толочься... А?..

– Проходите, – без особого энтузиазма сказала я.

Тот потоптался на месте, потом как-то сразу ввалился в прихожую, пребольно отдавив мне по пути обе (!) ноги, и начал снимать свою, с позволения сказать, обувь, которую более приличествовало надевать, скажем, на чистку свиарника.

– Мне вас рекомендовал Александр Николаевич Астахов, – радостно сообщил он мне, – говорил, что вы в своем роде уникальный специалист.

Здра-а-асте, обрадовал! Ведь именно Астахов – молодой банкир – был моим клиентом в предыдущем, том самом от-вратительном деле, о котором я уже упоминала ранее.

Если бы это мне сказал представительный «новый рус-

ский» или хотя бы просто прилично выглядящий человек. Но когда нечто, напоминающее внешне и повадками бомжа, сидящего у дверей нового демидовского магазина, говорит, что ему меня рекомендовал Астахов... ну, знаете!.. остается только радоваться, что не Березовский.

– Александр Николаевич вас очень хвалил, – продолжал вещать мой великолепный посетитель. – Хотя по вашему виду и не скажешь, что вы...

Господи, и он еще говорит о моем виде! Каков, а?

В этот момент в прихожую выглянула тетушка и, оглядев мужичонку, произнесла:

– Вы, верно, ошиблись, мы не вызывали сантехника.

– Это не сантехник, это ко мне, – ответила я, с трудом сдерживая улыбку и в душе аплодируя моей очаровательной родственнице.

– Да? – Тетушка с явным сомнением еще раз осмотрела визитера, отчего-то вздохнула и отправилась к себе в комнату.

– А Александр Николаевич вам, случаем, не говорил, что я сейчас не работаю? – спросила я, когда мы прошли в комнату и сели. Причем посетитель не притулился скромненько на краешке стульчика, как то делает бедная деревенская родня, а со всего размаху шлепнулся в мое любимое кресло, да так, что оно застонало и заскрипело. Как только умудрился-то, весу ведь не больше, чем во мне, а это для мужчины, сами понимаете...

Тот совершенно проигнорировал мой вопрос, точно так же, как минуту назад пропустил мимо ушей слова тетушки о сантехнике.

– У меня для вас есть работа, – с сокрушенным лицом сообщил он.

По меньшей мере осчастливил, подумала я. Другого посетителя я давно бы уже поставила перед фактом: дескать, я не работаю, предложение ваше мне не подходит и потому присутствие ваше здесь совершенно излишне. Но этот знакомец Астахова уже начинал меня забавлять, и я не спешила выставлять его за порог.

– Хотя бы представьтесь, господин...

– Демидов, – с готовностью подхватил он, – Сергей Викторович.

Вот те раз, везет мне сегодня на Демидовых, хотя фамилия и не самая распространенная. И тут я вспомнила, что знаменитого бизнесмена, получившего лестное наименование аграрного короля, тоже зовут Сергей Викторович.

Да быть того не может!

– Да, тот самый, – совершенно правильно истолковав мой недоуменный взгляд, произнес он и неловко улыбнулся, демонстрируя великолепные зубы, в которые он наверняка вложил не одну тысячу долларов.

Не мог ты раньше улыбнуться, а то сиди тут и чувствуй себя как последняя кретинка.

– Вы, наверно, слыхали обо мне, – проговорил он. – Я воз-

главляю фирму «Демидов-продукт», в которую входят сеть магазинов, три перерабатывающих завода: – один – по мясу, второй – по молочным продуктам, а третий, – он самодовольно зажмурился, – самый крупный, плодоовощной. А также земельные наделы с растениеводческим и животноводческим хозяйствами.

Превосходно, лучшей справки по деятельности господина Демидова и не придумаешь.

Неужели пришел жаловаться на имевший место факт воровства из его нового магазина продуктов и напитков на энную сумму?.. Ну, тогда я ему не помощник, иронично подумала я.

Да нет, слава богу, кажется, все как обычно. Ну да.

– Я хотел бы нанять вас в качестве телохранителя, – продолжал трещать он, – и для того у меня есть веские причины. Правда, Астахов говорил мне, что вы берете за свои услуги недешево, ну да я за расходами не постою.

Перспектива оказаться на работе у этого странного господина меня не особо прельщала, но все-таки клиент оказался настолько из ряда вон выходящим, что я произнесла:

– Ну хорошо, четыре сотни в день, и можно будет поговорить о работе.

– Дороговато, – пробормотал он, – четыреста рублей при нынешнем кризисе...

– Каких рублей? – Я изумленно посмотрела на аграрного короля, который явно не был идиотом, коли сумел так раз-

вернуться, но очень удачно этот идиотизм имитировал. – Каких рублей, я говорю о четырехстах долларах.

– В день? – едва ли не взвыл Демидов. – Да у меня столько директор овощебазы в месяц получает!

– Ну что ж, – спокойно произнесла я, – тогда пусть директор овощебазы вас и охраняет. Это и для бюджета фирмы лучше, и для вас, по-видимому, надежнее.

– Но он не может охранять меня, – прямо-таки с детской непосредственностью выговорил Демидов. – Положение критическое!

Видно, оно и в самом деле было критическим, потому что человек затрясся и отвалил нижнюю челюсть на собственную грудь. Вероятно, он представил себе радужные жизненные перспективы в случае, если у него не будет надежного поводыря, способного защитить его от любых недругов днем и ночью.

– Ну хорошо, хорошо, – неожиданно для себя самой сказала я, – триста долларов, и эта моя последняя цена.

– Но ведь это в день, – пролепетал он, – а они уже ждут меня там, внизу.

– Кто ждет вас внизу? Рассказывайте, Сергей Викторович, я слушаю.

И он рассказал. Из его сбивчивого и сомнительного, как и его внешность, рассказа я сумела уяснить, что ему угрожают, по-видимому, представители одной из преступных группировок города. По словам Демидова, на днях он отказал-

ся продать магазин известному бандиту Игорю Маркелову. «Король» открыл его буквально на днях. Как я поняла, это был тот самый супермаркет, который я сегодня посетила.

Маркелов был сильно разгневан и пригрозил Демидову, что в самом скором времени жизнь его может сильно осложниться. И, судя по всему, слово свое сдержал. Потому что вчера взлетел на воздух демидовский лимузин, а через несколько минут Сергею Викторовичу позвонили и мерзким, гнусавым голосом пообещали продолжения подобных акций, если Демидов не уступит упомянутый выше магазин и не предоставит некоторую сумму денег в качестве моральной компенсации.

Естественно, разгневанный «король» хотел было позвонить куда следует, благо у него был прихват и в облдуме, и в органах...

Но только он набрал номер, как связь оборвалась, а потом все тот же гнусавый голос переводчика плохих западных видеофильмов довел до его сведения, что сумма компенсации удваивается, а если Демидов будет продолжать себя вести в таком же духе, то можно испробовать более эффективные методы воздействия. Особенно если учесть, что Демидов не один на белом свете и у него есть дочь, которую он, по всей видимости, очень любит.

Ему посоветовали сидеть в своем городском особняке и не рыпаться. То есть мирно ждать, когда ему позвонят и определят время и место передачи денег.

– Обычно я же живу в своем доме в ста километрах от областного центра, – сказал он.

Многое в его рассказе показалось мне каким-то несообразным и искусственным, особенно то, что Маркелов захотел купить у Демидова магазин. Зачем ему, бандиту, магазин? А если он хочет таким образом начать легализацию своего бизнеса, зачем ему снова лезть в криминал, шантажируя известного и влиятельного бизнесмена? Да и не слыхала я, чтобы у Маркелова, обычного, стандартного, в общем-то, бандита, были сложные системы прослушивания, прямо как у серьезных спецслужб. Не того он калибра. Хотя...

То, что клиент, или, скажем так, потенциальный клиент, определенно некоторые детали замалчивает, тоже не новость. Если я буду с ним работать, все рано или поздно так или иначе всплывет. Словом, никакой чрезвычайщины, как испуганно представил мне положение вещей Демидов.

Впрочем, на десерт мне пришлось выслушать такое, что не поймешь, смеяться тут или плакать.

Одним словом, Демидов захотел нанять себе сверхнадежного телохранителя. По рекомендации Астахова он отнес в эту завидную категорию вашу покорную слугу и, не откладывая дела в долгий ящик, отправился прямиком ко мне. Естественно, узнав мой домашний адрес, он вырядился, как пугало, в полном восторге от своего маскарада сел в раздолбаный «уазик» и поехал, а за ним на некотором расстоянии следовал джип с охраной. Тоже мне охраннички!

Потом его от джипа то ли оттеснили, то ли сам потерялся, на что, по-моему, он вполне способен. Ну и зависла у него на хвосте эта «Ауди», будь она неладна. А так как Сергей Викторович водитель феноменальный, как он с гордостью мне поведал, то ему удалось оторваться от погони. Правда, есть тут один щекотливый нюанс: пока Сергей Викторович колесил по дворам в поисках моего местожительства, brave ребята на «Ауди» опять его обнаружили. В тот момент, когда он заходил в мой подъезд, иномарка въезжала во двор. Хотя скорее всего они Демидова и не видели, зато наверняка видели его запертую машину и поняли, что хозяин не бросил ее в панике, а просто оставил и ушел по делу. И, вероятно, вскоре вернется.

Я выглянула в окно, из которого открывался вид во двор. Там в самом деле торчал какой-то грязно-серый «уазик», собранный, вероятно, еще в эпоху волюнтаризма и кукурузизации всей страны и не мывшийся примерно с того же времени.

– Это и есть ваша машина, Сергей Викторович? – кивнула я.

– Да, – сказал он и, очевидно, прочитав в моем взгляде сомнение, многозначительно добавил: – Еще при Брежневке покупал. Первая моя машина. Мне тогда девятнадцать лет было, когда я ее отхватил.

И такое умиление излучал его сияющий взор, что, честное слово, мне стало неловко хотя бы намекнуть на то, что

автомобили иногда как бы подвергаются мойке, а одрам раннебрежневских времен это и подавно показано.

Возле любимой демидовской машины с деловым видом прохаживался молодой человек. Если этот колоритный типаж тешил себя мыслью, что на его лбу, высоте которого позавидовал бы самый интеллектуальный орангутанг из лесов острова Калимантан, не написано пять классов образования и столько же лет тюремных университетов, то делал он это совершенно напрасно.

В некотором отдалении стояла «Ауди».

– Они или считают вас за идиота, или сами являются таковыми, – произнесла я. – Взгляните.

Демидов с ужасом покосился на калимантанского орангутанга и умоляюще посмотрел на меня.

– Вот видите, – пролепетал он. – Я же говорил.

– Ну что ж, вызволить вас из этой мышеловки несложно. Эти болваны не могут предусмотреть даже того, что вы можете вызвать по телефону свою охрану. Или они к встрече с ней хорошо подготовились. Но зачем же тогда стоять у всех на виду и морщить в корчах агрессии свой эйнштейновский лобик?..

Демидов тупо моргал белесыми ресницами: он явно не успевал за моей мыслью.

– Хорошо, Сергей Викторович, – вымолвила я. – Я буду работать на вас, если мы утрясем финансовый вопрос.

Последние конвульсии демидовской скупости в упорной

борьбе с нарастающим, как снежный ком, страхом промелькнули у него на лице, как кадры киноплёнки.

Наконец благоразумие победило.

– Да, да, – поспешно произнес он, – я согласен.

– Ну тогда можно и поговорить по существу проблемы.

– Да, да, – ещё раз повторил он.

Глава 3

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПОМИДОРНОГО КОРОЛЯ

Я вышла из своего подъезда и направилась к машине Демидова. Вблизи она выглядела еще хуже, чем из окна моей квартиры. Изобразив на лице деловитую поспешность, я подошла к «уазику» и открыла его дверку ключом, которым меня заблаговременно снабдил Демидов.

Дрессированный орангутанг не замедлил показаться из-за дерева, за которым он прохаживался.

– Эй, ты! – пробасил верзила, водружая одну конечность на капот демидовского рыдвана, а другой довольно невежливо размахивая прямо перед моим носом. – Чего тебе здесь надо, а, Клава?

– Простите, тут какое-то недоразумение, – с изысканной вежливостью выговорила я, – этот автомобиль принадлежит мне, точнее, моему мужу, и я собираюсь отогнать ее прямо к подъезду. Нам необходимо погрузить кое-какие вещи, которые мы хотели отвезти на дачу.

С этими словами я села за руль и завела мотор.

Амбал явно оторопел. В его скудоумном мозгу наверняка не было вынесено отдельной строкой понятие «вежливость». Любой агрессивный шаг с моей стороны, любой крик него-

дования вызвали бы живой отклик у этого милого человека, но на тактично высказанное недоумение он не нашелся, чем ответить.

Лишь когда я завела двигатель и на самой малой скорости двинулась к подъезду, что-то стронулось с мертвой точки в его извилинах и он бросился бежать за машиной, во всю глотку вопя:

– Кудаа-а-а?! Куда шеманулась, ш-шалава!..

Не обращая внимания на сотрясающего воздух ублюдка, я подъехала к самому дому, из подъезда галопом выскочил Демидов и опрометью ломанулся к своему обожаемому авто. Я распахнула перед ним дверь, и отдувающийся повелитель парников, свиарен и мясохладобоев, суча всеми конечностями, рухнул на сиденье.

В этот момент калимантанский орангутанг подбежал к моему окну и сунул туда свою бритую, в многочисленных мелких шрамах башку. Право, он ничего «и лучше выдумать не мог», как о том пространно повествуется в «Евгении Онегине». Конечно, русской и иной классики он, безусловно, не читал, а о существовании Пушкина догадывался лишь на основании расхожего выражения «А за квартиру что, Пушкин платить будет, что ли?..» Но это все не беда, а вот то, что, просунув свою дурную черепуху в «уазик», он злобно поднял голову, очевидно, испытывая настоящую потребность помянуть меня по матушке, – вот это нехорошо.

Потому что в этот момент он увидел Демидова и на мгно-

вание так и застыл с отвисшей челюстью.

По этой-то челюсти я и приложила от души. Мужик взвыл, прикусив язык.

– А что, вы поведете? – изумленно спросил Демидов.

– Разумеется, – ответила я. – А что, есть другие варианты?

Других вариантов не было. Поскольку темно-зеленая «Ауди», подобрав многострадального «калимантанца», уже разворачивалась в нашем направлении с явным намерением устроить гонки на выживание.

Ну уж нет, архангелы, выживать я согласна только из ума, да и то лет эдак через шестьдесят. И я решительно вдавила до упора педаль газа.

* * *

– Где находится ваш дом, Сергей Викторович? – спросила я, уверенными движениями руля выписывая синусоиды по все еще оживленной, несмотря на вечернее время, Казанской. Тут нам ничего не грозит – пока что, а вот дальше...

Ну вот, так я и думала. Городской дом Демидова находится даже не у черта на куличках, а еще дальше.

Поселок Лунный, спальный район города. Для жителей, живущих в центре, он и в самом деле представляется чем-то вроде луны, – как в смысле дальности расстояния, так и в плане жизненного уклада. Сюда, в Лунный, где нет ни заводов, ни крупных предприятий иного профиля, люди приез-

жают только спать. А каждое утро срываются ближе к центру – на работу, на учебу. «Сваливаются с луны». Назад приезжают усталые, измученные и дневными нагрузками, и вечерним утомительным переездом до родного – такого, черт его побери, далекого – дома.

И потому по вечерам поселковый пейзаж оживляют только до изнеможения однообразные физиономии вездесущих «гопов» – уныло обритых молодчиков, не обремененных ни умом, ни культурой, зато имеющих в своем арсенале неограниченный запас наглости, тупости и агрессивности.

Чего-чего, а уж этой злокачественной помеси питекантропа с изъеденным сотней татуировок уркой здесь всегда было вдоволь.

Именно сюда и лежал наш путь.

* * *

– Сейчас они скорее всего не пойдут на сближение, просто будут вести до ближайшего пустынного участка трассы, а таких по мере нашего приближения к Лунному становится все больше и больше, – пояснила я.

В зеркале заднего вида из-за все редееющих автомобилей то и дело показывался кажущийся уже черным в накатывающих сумерках корпус «Ауди» со включенными на дальний свет фарами. Она следовала на строго заданном расстоянии – метрах в ста от нас, не приближаясь и не удаляясь.

– Скоро начнется. – С горящими азартом глазами (давно я не испытывала такого парящего, молодого чувства, да и сейчас оно нахлынуло как-то спонтанно и бесшабашно) я резко прибавила скорость и попыталась свернуть в какой-то проулок, чтобы сбить погоню со следа. Но тотчас отказалась от этой мысли, потому что преследователи тоже резко прибавили ходу и, естественно, успели бы раскусить мой немудреный маневр.

А уж в этом проулке-то им благодать, козлам.

– Черт бы побрал эту колымагу, – пробурчала я и в сердцах так шлепнула по рулю ладонью, что он угрожающе закрипел с риском немедленно предаться демонтажу, а Демидов взвизгнул, как будто я шарахнула ему по шее увесистой резиновой дубинкой.

– Будь эта богадельня на колесах хотя бы в исправности, – продолжала я сквозь зубы, не обращая ни малейшего внимания на причитания Сергея Викторовича, – у нас были бы неплохие шансы уйти. А так...

– Эй, полегче там с моей машиной!

– Что, простите?

– Не уздите тачку! – теряя терпение, рявкнул Демидов. – Моя любимая машина!

– А про свою жизнь у вас есть основания сказать: моя любимая жизнь? – вкрадчиво поинтересовалась я. – Или ее тоже, по вашему образному выражению, не надо уздить, а пустить все на самотек... авось куда и притечет, а, господин

помидорный король?

С этими словами я отпустила руль и, саркастически усмехаясь, посмотрела на Демидова.

– Почему помидо... – начал было он, но тут машину занесло влево, к пустынным серым громадам типовых девятиэтажек, и «король» притих.

Братва в «Ауди» явно не ожидала, что мы заложим такой чудо-вираж, и потому пролетела мимо, а потом мы услышали мерзкий визг тормозов.

Я, стараясь не потерять ни секунды, бодро перехватила руль и свернула в какой-то темный закоулок. Через несколько мгновений за нами последовала и «Ауди», послышались выстрелы, и одна из пуль разбила заднее стекло, чудом разминувшись с моим затылком. Вторая же ничтоже сумняшеся угодила в колесо, и оно в полном соответствии с законами физики спустилось. Машина встала.

– Ну все, – злобно сказала я, вынимая пистолет, – салют, мальчики.

– Что, что? – вжавшись в кресло на манер испуганного дефективного ежа, обделенного колючками, проверещал Демидов.

– Как поется в песенке, я обиделась, – пояснила я, открывая дверь «уазика». – Я обиделась, йя-а-а обиделась р-р-раз и навсегда!.. – пропела я уже через плечо и выскочила наружу.

– А я? – чуть не плача, прокудахтал он.

– А вы сидите смирно и не высовывайтесь. Да пригнись

же! – воскликнула я, видя, как он пугливо смотрит на приближающуюся «Ауди» поверх спинки сиденья.

Сказав это, я вышла на середину дороги и, расставив ноги, навела дуло пистолета на стремительно приближающуюся ко мне иномарку с братвой.

Тридцать метров... двадцать... десять.

... Нет, они не отвернут. Не на тех нарвалась. Да я и рассчитывала на иное.

А на что именно я рассчитывала, эти законопослушные граждане сейчас испытают на собственной шкуре.

И когда между мной и «Ауди» оставалось не более десяти метров, я, сжавшись в тугую, горячо пульсирующий клубок мышц, сухожилий и нервов, выстрелила в правую от меня половину тонированного лобового стекла, туда, где почти зримо маячила морда водителя.

«Ауди» попала в одну из дорожных колдобин, ее развернуло на полном ходу, и, проскрежетав по выбоине, из которой я мгновение назад сиганула, стелясь к земле, она врезалась багажником в дерево.

Я подскочила к ней, распахнула дверь и, ткнув пистолетом в затылок полуоглушенного здоровяка, заорала:

– А ну выходи по одному и становись вон к тому дереву!

– Да ты че, в натуре, подруга... – попытался слабо протестовать взятый мной на мушку амбал, но я резко ткнула его дулом в ямочку под ухом, отчего он протяжно взвыл и ударился лбом о бардачок.

Братки поняли, что их дело тугое, и полезли из машины. Первым на свет божий выволок свои монументальные телеса бандит, которого я столь немилосердно приложила дулом пистолета. Вторым, опасливо посапывая, вылез мой старый знакомец, которого я причислила к категории плохо поддающихся дрессировке калимантанских орангутангов.

Третий, водитель, неподвижно сидел в кресле.

— А этому что, особое приглашение требуется? — на всякий случай спросила я.

— Да ты ж его... — начал было калимантанский абориген, но его сотоварищ тут же сердито рывкнул:

— Прикрой базар, дятел!

— Вы вот что, братцы, — произнесла я. — Не рекомендую канифолить мне мозги, иначе пострадают ваши собственные. Или то, что вам их заменяет. На кого работаете? Кто послал вас отработать Демидова?

— Ах ты, тварь мусорская... — начал было тупоумный амбал, которому его более сообразительный товарищ уже советовал прикрыть базар.

Правильно советовал. Потому что остаток фразы я вбила ему в глотку сильнейшим ударом с правой. Правой ноги, естественно, потому что не хотелось об этого грязного ублюдка марать руки.

— Ну, — сказала я, переводя взгляд на второго, потому что дважды уже пострадавший от меня брателло в ближайшие десять минут едва ли был способен исторгнуть из своей глот-

ки что-либо путное, то бишь членораздельное и информативное.

– Ты, конечно, девка крутая, – примирительным тоном произнес он, – но ты все же полегче, и не таких в расход пускали.

– Сейчас ты у меня допрыгаешься, – предупредила я. – Ну что, мне повторить свои вопросы или как?

– Или как, – буркнул тот, – а то знаю я, как ты повторяешь. Допрыгаешься... что я тебе, блоха на сковородке, чтобы так, чиста-а, прыгать?

Он глянул на подельника, валяющегося на земле и вяло бултыхающего при этом ногами под аккомпанемент собственных стонов, и снова недобро покосился на меня.

– Че, Помидорный типа ФСБ подтянул? – спросил он. – На мусорскую ты вроде не похожа, а?

– Нет, не ФСБ, – ответила я и, с силой приподняв ему подбородок дулом пистолета, вкрадчиво выговорила: – На твои вопросы я ответила, отчего же ты не отвечаешь на мои, а, голубь?

Он поморщился: то ли стало больно, то ли не понравилось сомнительное в криминальной среде обращение «голубь».

– Маркел... – прохрипел он. – Маркел велел. Но не наглухо, а так, влегкую трамбануть для ума.

– А кто взорвал демидовский лимузин?

– Знаю... слышал. Но это не мы по-любому, подруга. Ашот не будет так Помидорному косорезить.

– Кто такой Ашот? – живо спросила я.

– Ашот... это...

Больше я добиться от него ничего не успела. За спиной послышался легкий шум, и я обернулась.

Водитель, которого я сочла мертвым, был уже в полутора шагах от меня. Правда, двигался он несколько медленней, чем ему этого хотелось. Почти начисто снесенное ухо с обрывками хрящей и кожи сильно кровоточило (так вот куда попала моя пуля), глаза заливала кровь из глубоко рассеченных – вероятно, от удара, брови и лба.

– Тебе край настал, овца!.. – просипел он и взмахнул рукой. Продолжения я ждать не стала.

Не выпуская из поля зрения первого, я выстрелила в опрометчиво подставившегося водителя. Но он не упал, хотя пуля попала ему в ногу, а по инерции ступил еще шаг и только тут свалился лицом вперед и прямо на меня.

Среагировать я успела, но на мгновение потеряла контроль над другим, все еще стоящим у дерева. Этого мгновения ему оказалось достаточно, чтобы от души нанести мне удар по голове, а потом сильные руки грубо схватили меня за горло и притянули к себе с явной претензией сломать мне шею.

Но, даже оглушенная и полузадушенная, я полубессознательно извернулась и с силой ударила того затылком в переносицу. Я почувствовала, как вмялись и хрустнули под моим ударом хрящи его носа, и от жуткой боли он тут же разжал

руки и слепо отступил на шаг, судорожно поднеся ладони к пораненному лицу.

Останавливаться на достигнутом не имело смысла, и я подрубила его добротным тычком в голень, а потом и вывела из строя окончательно жестким ребром ладони в самое основание черепа.

Отдышавшись, я осмотрела общую картину содеянного. Двое братков неподвижно лежали ничком на асфальте, и из-под каждого змеистой темной струйкой бежала кровь, смешиваясь в одну черную лужу в глубокой выбоине дороги.

– Вот теперь вы действительно братья по крови, – устало выдохнула я. – Даже жаль, что так поздно и таким вот образом...

Теперь третий. Ах да, все тот же многострадальный при-мат, уже довольно живенько сучащий ножками и даже делающий попытки подняться. Ну что ж, оно, конечно, дело хорошее, но тебе более пристало с утробным гыканьем носить-ся по клетке зоопарка на всех четырех конечностях, нежели довольно искусно косить под передвигающегося в строгом перпендикуляре с земной поверхностью гомо сапиенса.

Ну вот, упал. Я же говорила.

– Ну что, мой милый, может, хоть ты скажешь, кто такой Ашот? – благожелательно спросила я, присаживаясь на корточки рядом с ним.

Мои последние слова, включая имя соратника Маркелова, потонули в потоке матерщины, которая, очевидно, сви-

детельствовала о нежелании моего невольного собеседника продолжать тесное и плодотворное общение.

Куда уж плодотворней – два почти что трупа. Да и ты, брат-орангутанг, что-то мне не нравишься.

– Зря ты так, – сказала я. – Твои дружки уже довыеживались. Тебя как зовут?

Очевидно, видок поделльников в лужах крови впечатлил его, потому что он приподнялся на локте и прохрипел:

– Дрон.

– В переводе с пацановского на человеческий, стало быть, Андрей, – произнесла я. – Ну так хоть ты Расскажи мне, Андрюша, что к чему, а то я сильно притомилась от желания это узнать.

И ведь рассказал. Хотя говорил он довольно невнятно, очевидно, прикушенный еще при нашей первой встрече во дворе язык распух и ворочался с трудом. А если учесть, что он и так от природы был подвешен не ахти как, да еще то обстоятельство, что на одно дельное слово в речи Дрона приходилось по два «ебть», три «нафуь» и уж бог знает сколько «бля», то процесс восприятия его речи проходил у меня довольно сложно.

В конце концов мне удалось уяснить для себя следующее.

Маркелов решил крупно наехать на Демидова. Уж что у них были за разногласия, Дрону то было неизвестно, он человек маленький. Но что-то определенно очень серьезное, потому что Маркел ходил сам не свой и просто рвал и метал,

когда речь заходила о Демидове. Его правая рука, Ашот Хачатурян, успокаивал босса и говорил, что не стоит поступать так наглухо. Что имел в виду Ашот, Дрон пояснить не мог, но тут все и так было, по крайней мере на первый взгляд, предельно ясно.

За что Дрон мог поручиться совершенно точно, так это за то, что он со своими ныне недееспособными компаньонами не взрывал демидовского лимузина. Конечно, была вероятность, что это выполнила другая группа людей Маркела, но это Дрон считал маловероятным. И по телефону Маркелов не стал бы говорить анонимно и измененным гнусавым голосом, и уж тем более не доверил бы это другому человеку. А если что и говорит Маркел по телефону, так это только то, что, дескать, тебе, брат, кранты, и не разгребешь ты по самое горло, а чтобы решить эти проблемы, приезжай завтра к столько-то туда-то, привози с собой энную сумму денег и взамен получишь добротню сработанную и со знанием дела поданную пулю в лоб.

Вот так, и потому считать, что Маркелов будет гнусавить по телефону не своим голосом, – это, по меньшей мере, задеть профессиональное самолюбие честного и уважаемого бандита.

Что же касается того, кто бы мог это сделать... ну не знает он, Дрон, не имеет ни малейшего понятия.

– Ну что ж, Андрюша, – сказала я, – ты заслужил право на жизнь. Тебе только остается снискать аналогичное одол-

жение и со стороны Маркела.

Он уставился на меня в явном смятении: очевидно, понял, что я имела в виду...

* * *

Я буквально перетащила Демидова из его «уазика» в «Ауди». Браткам она больше не понадобится, а нас, быть может, довезет до демидовского дома. До которого, по его словам, осталось еще немало.

Видели бы вы, как он взвился на дыбы, когда узнал, что я хочу оставить здесь его любимый автомобиль. Прямо-таки ахалтекинский жеребец благородных кровей, а не человек.

– Да вы что, – выпучив глаза, орал он на меня, забыв, вероятно, что несколько минут назад я спасла его никчемную жизнь, подставив себя под пули.

У меня было невероятное искушение плюнуть на все, сесть на покореженную, но еще вполне годную к эксплуатации «Ауди», и уехать, бросив к чертовой матери этого придурочного властелина овощных грядок и коровьих испражнений вместе с его мерзким, скрипящим, немытым рыдваном, над которым он трясется больше, чем над взлетевшим вчера на воздух лимузином, стоящим раз в сто, а то и в пятьсот дороже.

– Да я на нем... – продолжал бушевать помидорный король. – Да он проезжал по таким дорогам, где застревал джип

с этими остолопами из охраны!

Вай-вай-вай! Какие эмоции! Сколько патетики! Да этот суперУАЗ выволакивал из грязи такие чудеса западного автомобилестроения, что только ах! Да он еще вас всех переживет!

– Одним словом, вы не хотите продлять со мной контракт, – спокойно произнесла я, выслушав до конца тираду Сергея Викторовича.

Тот нерешительно оглянулся на трогательную мизансцену «Гоблины на асфальтовой лужайке загорают в свете фар разбитой „Ауди“ в лужах собственной крови». Потом снова повернулся ко мне и уже серьезным, нарочито прочувствованным голосом произнес:

– Этот вопрос можно обсудить.

– Ну и что, обсудили? – выдержав эффектную паузу, сказала я, насмешливо глядя на насупившегося маленького человечка.

Он еще раз посмотрел на недвижные тела, на угрюмо косящегося на него Дрона, все еще пытающегося подняться с асфальта, и, подбежав ко мне, схватил мою руку и неистово ее затряс.

– Простите меня, я благодарю вас за превосходно выполненную работу, признаю себя ослом и жду дальнейших распоряжений, – скороговоркой выпалил он.

Я засмеялась и распахнула перед ним дверцу «Ауди». Нравился мне этот нелепый маленький человек, несмотря на

его недовольное брюзжание и бесчисленные странности, и чем дальше, тем больше.

И еще одно: я интуитивно чувствовала за этой невольной комичностью поступков и движений значительные душевные силы, какую-то скрытую стихийную мощь.

Ведь, наверно, недаром именно он, а никто другой, был аграрным королем нашего региона.

* * *

– Одним словом, этот милый человек отрицает причастность своего босса и своей банды к взрыву вашего лимузина, – закончила я мой краткий отчет о беседе с Дроном.

– Ах, вот как! – завопил Демидов, злобно скрежеща своими тысячедолларовыми зубами. – А какого хера они тогда гонялись за мной по всему городу?

– Они говорили, что Маркелов велел только припугнуть вас, а настоящая угроза, следовательно, исходит от другого человека.

– Это все брехня! – безапелляционно заявил Сергей Викторович. – Гонят тут, понимаешь...

Я хотела было возразить, что при моих методах сбора информации намеренно врать мне будет только полный идиот, да и то вскоре убедится в неверности выбранной модели поведения. Да и по всем выкладкам, Дрон и менее удачливый его собрат говорили правду. Они могли о чем-то умалчивать,

но в том, что они мне сообщили, не было лжи.

Но я не успела этого сказать. Потому что в двигателе за-скрежетало, зачавкало, и машина, судорожно задержавшись всем корпусом, остановилась.

– Ну вот, – мрачно буркнула я, – приехали.

– Я же говорил, что надо было ехать на моей, – торжествуя закричал Демидов, словно следствием его правоты стало выигранное крупное пари, а не то, что он самым плачевным образом застрял на ночь глядя на глухой и безлюдной окраине города. – А то вот поехали на этой... – он замялся, словно не в силах найти достаточно уничтожающего определения, – на этой колымаге, и вот вам результат!..

– Наверно, при столкновении с деревом что-то сильно повредилось и потом на ходу развалилось окончательно, – решила я.

– Вот она, хваленая немецкая техника, – продолжал зло-радствовать Демидов.

– А ваша с продырявленным колесом и совершенно переставшим выполнять свои прямые обязанности стартером и вовсе не тронулась бы с места, – отпарировала я. – А эта нас хоть немного подвезла. Ну да ладно. Нам надо думать, как отсюда выбираться.

– Не нам, а вам, – ответил знаменитым вицинским рефреном из «Операции „Ы!“» Демидов. – Ваша работа, вы и думайте.

Что ж, на этот раз вы, как это ни странно, оказались правы,

Сергей Викторович. Выбираться, так выбираться.

— Я полагаю, что в целях безопасности нам лучше добираться общественным транспортом, — важно произнесла я.

— Простите? — переспросил Демидов. — Как-как?

— На трамвайчике, — пояснила я, — ближе к народу. Тут, я знаю, поблизости только одиннадцатый трамвай и ходит. Тем более на вас в таком маскараде никто и не взглянет.

Включая меня, добавила я про себя. Рожа у вас, Сергей Викторович, если говорить откровенно, еще та.

От идеи прокатиться на народном средстве передвижения по городу Демидов неожиданно пришел в совершенно телячий восторг и даже весьма болезненно и неловко хлопнул меня по плечу. Я поморщилась, Сергей Викторович, видимо, окончательно уверившись в моем всемогуществе и умении найти выход из любой сложной ситуации, принялся разглагольствовать, что в кои-то веки он может совершенно без риска для своей жизни кататься с простыми смертными на их транспорте.

Да ты-то, помидорно-огуречный магнат, на себя бы посмотрел, а не рассуждал о простых смертных таким снисходительно-самодовольным тоном. Не знаю, может, ты в каком-нибудь костюме от Версаче и похож на «нового русского», но сейчас, в этой феноменальной затасканной куртке и довольно-таки неопрятных и потертых старых брюках, тебе любой слесарь дядя Петя сто очков вперед даст.

Под аккомпанемент его разглагольствований мы дошли до

остановки, и почти тут же подкатил полуосвященный трамвай. Мы сели, и вагон покатил.

Кроме нас, в вагоне сидели еще несколько человек. Две полусонные немощные старушки с чудовищной по объему поклажей. Наверняка ведь охают, стонут, жалуются на здоровье, но сумы свои таскают исправно. А в одной этой суме весу, что нормальному человеку и с места не сдвинуть. Реликты сталинской эпохи, старой закалки. Богатыри – не вы, в общем.

В самом конце вагона сидели субъекты закалки что ни на есть новой – трое бритых молодых людей из разряда тех самых «гопов». На вид – откровенные ублюдки.

Ближе всех к нам сидел какой-то человек, который заинтересовал меня с самого начала поездки. И было отчего.

При самом нашем появлении в салоне он надвинул на глаза кепку и лишь изредка рисковал бросать в нашу сторону подозрительный взгляд искоса. Что меня определенно успокаивало, так это то, что вошел он не вместе с нами, а ехал раньше, следовательно, не мог знать о нашем появлении в этом трамвае.

Но как смотрит, черт возьми! Знал бы он, что сейчас у него вид человека, замышляющего какую-то неприятную каверзу.

– Приятно вспомнить молодость, – продолжал словоохотливо разглагольствовать Демидов. – Вы не поверите, Евгения Максимовна, но последний раз я ездил на трамвае в во-

семьдесят втором году, еще до начала перестройки. Мне тогда был двадцать один год, и я был влюблен в девушку, живущую как раз в этих краях, и ехал как раз на этом, «одиннадцатом» трамвае.

О черт!

Просто я машинально проделала в уме элементарный арифметический подсчет на основе цифр, сообщенных Демидовым, и получила таким образом его возраст. Да никогда не поверю, что этому сильно смахивающему на среднестатистического бомжа невзрачному пятидесятилетнему лысому человечку тридцать семь лет!

– И что же у вас вышло с той девушкой, Сергей Викторович? – рассеянно спросила я, не переставая незаметно наблюдать за подозрительным субъектом неподалеку от нас.

– Она меня бросила, – горестно признался Демидов, доверительно глядя мне в глаза.

Неудивительно, особенно если учесть, что в то время у будущего аграрного короля еще не было его капиталов.

Но этот соглядатай достал.

Я поднялась и, сделав знак Демидову сидеть на месте, приблизилась к темной личности, села на сломанное сиденье позади него и тихо сказала, почти прошептала ему на ухо:

– Разрешите познакомиться, молодой человек.

Ответ был мгновенным и неожиданно простым.

– А мы уже знакомы, – негромким заговорщицким голосом, в тон мне, проговорил он и, обернувшись вполоборота,

почти коснулся щекой моего лба.

Гонза. Или Dr. Quicknet, как угодно.

– А это Демидов, да? – все так же тихо спросил он, прежде чем я успела что-либо сказать.

– Демидов. Но как ты его узнал в этом обличье дипломированного бомжа?

Гонза хрюкнул от едва сдерживаемого смеха.

– А я его в ином и не видел, кроме, как ты выразилась, в обличье дипломированного бомжа, – откликнулся он, благополучно затолкав поглубже мучительные спазмы истерического хохота.

– Да что ты? А он утверждал, что только сегодня так вырядился. Но отчего такая таинственность? Ты знаешь, что у тебя вид скверного шпиона, не столько следящего за объектом, сколько производящего соответствующее впечатление? Я уж думала...

– Тс-с-с!.. Отойди от меня, он смотрит! – взмолился он. – А, я понял... ты его охраняешь. Я потом все объясню... а сейчас отойди, а то он подойдет. Я все равно на следующей схожу, – ни с того ни с сего добавил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.